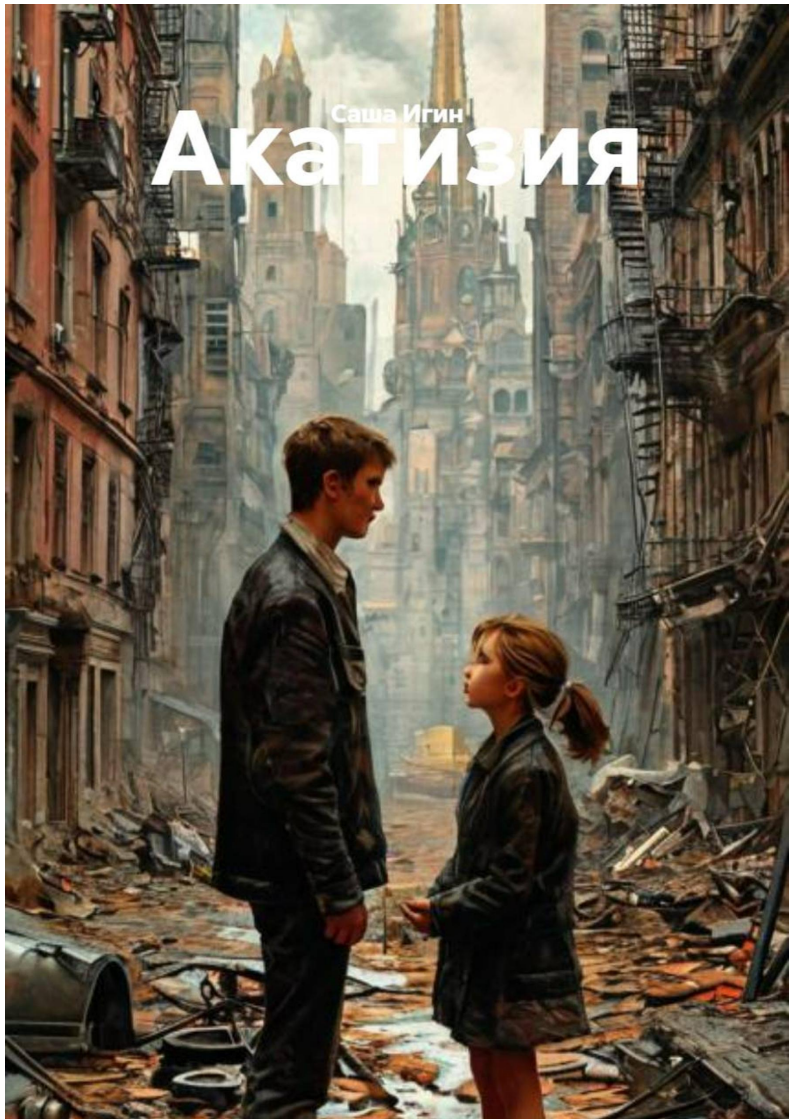

Саша Игин

Акатизия

Саша Игин

Акатизия

<https://litres.ru/73883489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1994 год. Плотность одиночества превышает критическую. Шестнадцатилетний Гулливер Луццато перестаёт отличать поцелуй от насилия. Появление четвёртого тела в семейной системе «трёх тел» — учительницы с 41-м размером ноги — искривляет пространство-время. Первый асинхронный секс, избиение ремнём: следующим будет он сам.

Двадцать лет спустя — компания «Челфак», предсказывающая катастрофы. Иван Москва спасает Веренику Луццато, чья мать — та самая Стела, а отчим-марафонец семь лет преследует Гулливера. Причинно-следственный коллапс, укол отцу, шприц в глаз убийце. Жертва становится палачом. Затем — акатизия, зеркала, разговоры с Незнакомцем. Рейс Париж, дротик в глаз киллеру, план «Буратино», где кукла вырывается из-под контроля.

2021 год. Гулливер и Иван на балконе в Коптево: энтропия убывает, выведено уравнение счастья. Это философская научная фантастика и психологическая драма о том, что от себя не убежишь, а Вселенная не обязана быть понятной — она обязана быть. И она была.

Содержание

Часть I. Коллапс классической механики чувств (1994-1995)	5
Глава 1. Фазовый переход	6
Глава 2. Модель трёх тел семейства Луццато	7
Глава 3. Принцип синкопы	9
Глава 4. Паралимпийская альтернатива	11
Глава 5. Фамилия как антигравитация	13
Глава 6. Космология одиночества	15
Часть II. Социальная термодинамика «Челфака» (Июнь 2014)	17
Глава 7. Июнь 2014 года. Точка отсчета	18
Глава 8. Геометрия скрытых систем	19
Глава 9. Оловянные солдатики и теория игр	25
Глава 10. Фазовый переход	29
Глава 11. Госпожа Луццатто.	34
Часть III. Причинно-следственный коллапс (1995-2014).	37
Глава 12. Теорема неверной выборки	38
Глава 13. Волновая природа аннигиляции	41
Глава 14. Амбидекстр и точка бифуркации	44
Глава 15. Паллиативная вселенная	47
Глава 16. Принцип дополнительности Луццато	51
Глава 17. Горизонт интерпретации	53

Глава 18. Исчезновение наблюдателя	55
Глава 19: Коэффициент солнечной активности и фактор дежавю	57
Глава 20: Энтропия бега и закон больших чисел	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Саша Игин

Акати́зия

**Часть I. Коллапс классической
механики чувств (1994-1995)**

Глава 1. Фазовый переход

В 1994 году антропоцентрическая модель любви окончательно утратила физический смысл.

Плотность человеческих тел на квадратный метр достигла критической величины, при которой гравитационные возмущения между индивидами стали превышать силу их электро-рального притяжения. Социологи назвали это «синдромом красного смещения»: чем больше людей оказывалось в поле зрения, тем быстрее ускользала иллюзия близости.

Гулливер Луццато обнаружил, что его нервная система больше не различает прикосновение и вторжение, поцелуй и пробой тканей. Это была не фобия в классическом понимании — не страх, а термодинамическая неизбежность. Когда энтропия контактов достигает предела, изолированная система сворачивается в сингулярность.

Выживали только те, кто научился мыслить парадоксами — то есть перестал различать причину и следствие. Они действовали интуитивно, как броуновские частицы, угадывая единственную траекторию, которая не ведёт в столкновение.

Июль 1994 года. Комета Шумейкеров — Леви 9 падала на Юпитер. На Земле, в районе Головино, мальчик по имени Гулливер готовился к столкновению с собственной сингулярностью.

Глава 2. Модель трёх тел семейства Луццато

Классическая механика утверждает: задача трёх тел не имеет аналитического решения. Семья Луццато состояла из трёх человек. Следовательно, их судьба была неразрешима.

Арье Имануэльевич, психоаналитик, ввёл в систему возмущение — Стелу Аркадьевну, учительницу английского. Четвёртое тело в трёхмерной конфигурации делает систему хаотической. Он знал это. Возможно, поэтому пил.

— Мой прапрадед, Моше-Хаим Луццато, написал первый трактат в семнадцать лет, — объявил он, жестом имитируя обращение к трансцендентному. — Ты напишешь трактат по этике в шестнадцать. На английском, — обращаясь к сыну.

Стела Аркадьевна была некрасива. Но в системе с высокой гравитационной кривизной красота теряет смысл: важна масса, создающая искривление пространства-времени. Её длинное лицо, крупные губы, близорукие глаза за роговой оправой — всё это искривляло траекторию Гулливера сильнее, чем любая симметрия.

Увидев её ногу — сорок первый размер, узкая стопа — он перестал дышать. Это был не эротический импульс. Это была потеря орбиты.

Через шесть дней она должна была вернуться. Он решил

ждать вечность. Потому что в Головино время текло в тысячу раз быстрее, чем в остальной Вселенной. Мать, Ализа, молекулярный биолог, знала об этом:

— Два тирана, — шептала она, глядя в зеркало, — скорость и время. Их симбиоз чудовищен.

Глава 3. Принцип синкопы

Обморок Гулливера в момент второго визита Стелы Аркадьевны был не психосоматикой, а защитным механизмом центральной нервной системы при перегрузке.

— Греческая «синкопа», — прокомментировал Арье Имануэльевич, укладывая сына на пол. — Наконец-то у нас в семье зазвучал язык Гомера.

Он распорядился поднять ноги выше головы — чтобы сохранить перфузию мозга. В этом жесте, помимо медицинской компетенции, скрывалась жестокая ирония: сын терял сознание от переизбытка желания, а отец перераспределял кровотоки, словно инженер, чинящий перегруженный насос.

На третьем занятии Гулливер, подражая Майклу Дугласу из «Основного инстинкта», произнёс на ломаном французском:

— Мадемуазель, вы одеты непристойно. Если продолжите, ничто не удержит меня от того, чтобы...

Она засмеялась.

Потом, через несколько дней, он оказался на ней, на диване. Их движения были быстрыми, асинхронными, лишёнными ритма — как первые секунды после Большого взрыва, когда ещё не сформировались фундаментальные взаимодействия.

— Спринтер, — сказала она после третьего раза, поправ-

ляя бюстгальтер. — А надо быть марафонцем. Бег на длинные дистанции — это как качественный секс: ритм, дистанция, эстетика.

Она не знала, что эти слова перепишут его геном.

Когда Арье Имануэлевич, ворвавшись в комнату, начал избивать её ремнём, Гулливер смотрел на книжную полку. Там стояла мамина брошюра про японскую медаку — рисовую рыбку, которая выбирает самца по длительности знакомства.

«Значит, следующим будет батя», — подумал он и почему-то заплакал.

Отец ушёл с ней. Не вернулся. Через двадцать лет она сама расскажет Гулливеру, как Арье Имануэлевич наказал себя — добровольным изгнанием из собственной орбиты.

Глава 4. Паралимпийская альтернатива

Через месяц Гулливер бежал босиком пять километров по стадиону «Наука» в ноябре.

Мокрый, потный, на грани гипотермии, он упал лицом в лужу в десяти метрах от подъезда. Сосед, нотариус дядя Игорь, притащил его домой. Три недели гриппа. Две из них дядя Игорь трахал маму Ализу — шумно, бесстыдно, как будто в соседней комнате лежала не агонизирующая форма жизни, а мумия, прошедшая химическую фиксацию.

Гулливер лежал и читал про Абебе Бикилу — эфиопского марафонца, который бежал босиком на Олимпиаде в Риме, а после аварии стал парализованным и занялся стрельбой из лука.

— Спортивный лук «олимпик», из дерева, — попросил он на день рождения.

Его кумир, парализованный, стрелял в мишень, представляя врага. Гулливеру не надо было представлять. Враг был за дверью.

Он натянул тетиву в постели. Представил затылок дяди Игоря. Стрела скользнула по касательной. Крови было полкомнаты.

Дядя Игорь смеялся:

— Ай да Робин Гуд! Моим же подарком — чуть не пристрелил!

Он рухнул посреди комнаты, зажимая рану. Но не умер. Выжил. Как и всё в этой вселенной, что достаточно быстро движется.

Глава 5. Фамилия как антигравитация

Тренер Сергей Аршанов, бывший чемпион Европы, поставил Гулливера на дорожку.

— Пять километров — двенадцать с половиной кругов. Беги. Если не можешь — иди.

Он бежал два круга. На третьем перешёл на шаг. Грудная клетка разрывалась от кислорода — парадоксальная асфиксия избытка. Ноги стали ватными.

— Ты — спринтер, — сказал Аршанов. — Тело не обманешь. Марафон — это ритм, эстетика, распределение ресурсов на тысячу шагов вперёд. Ты хочешь взорваться на старте.

— Я буду марафонцем, — ответил Гулливер.

— Тогда научись бегать медленно.

Через полгода он проиграл школьные соревнования на полторы тысячи метров. Сошёл на последнем круге. Перешёл на шаг под улюлюканье бывших одноклассников.

На следующий день он принёс маме заявление об изменении фамилии.

— Бикила? — Ализа заплакала. — Это не фамилия. Это кличка. Ты еврей, у тебя должна быть еврейская фамилия.

— Мама, — он не смотрел ей в глаза. — Мне наплевать на Эрец Израэль. На сефардов и ашкенази. На ваши геном-

ные исследования, которые фармацевты используют, чтобы продавать плацебо по цене чудо-лекарств. Я видел твой журнал. Вас подкупают на всех этажах. А папа просто оказался честнее. И вы с ним — изгой. Я горжусь вами. Но фамилию я меняю.

— Ты жесток, — прошептала она.

— Возможно, — сказал Гулливер Бикила. — Но жестокость — это единственная сила, способная разогнать тёмную материю чужой воли.

Она вышла из комнаты. Он остался один. На стене над кроватью висел портрет парализованного марафонца с луком.

Глава 6. Космология одиночества

На следующих соревнованиях Гулливер выступал за другую школу. Бывшие одноклассники свистели. Он бежал в общей группе, не отрываясь, не ускоряясь, не веря в победу.

Финишировал третьим.

Когда объявили его новую фамилию — Бикила — в толпе застыли открытые рты. Никто не подошёл поздравить, кроме одного человека — Ивана Москвы.

— Чувак, ты гений, — сказал Ваня и полез обниматься.

Так в жизнь Гулливера Бикилы вошёл человек, ставший самым родным. Впоследствии их судьбы сплетутся в тройную звёздную систему — с периодами затмений, вспышками сверхновой и неизбежным коллапсом в чёрную дыру предательства.

Но в тот день, на дальней трибуне стадиона «Динамо», в тёмных очках и с выпирающим животом сидела Стела Аркадьевна. Тридцатая неделя. Походка — переваливающаяся, утиная.

Она смотрела на мальчика, который взял фамилию парализованного бегуна, и думала о том, что ускорение расширения Вселенной необратимо.

Галактики разбегаются.

Люди — тем более.

Но иногда, очень редко, гравитация побеждает тёмную

энергию. И тогда рождаются новые звёзды.

Гулливвер Бикила не знал этого. Он просто бежал. Медленно. Как учил тренер.

Впереди была вся жизнь.

И ни одного стабильного уравнения.

**Часть II. Социальная
термодинамика
«Челфака» (Июнь 2014)**

Глава 7. Июнь 2014 года. Точка отсчета

Шел июнь 2014 года. С точки зрения астрофизики, этот месяц ничем не отличался от любого другого за последние четыре с половиной миллиарда лет существования планеты: Земля, как обычно, находилась в точке летнего солнцестояния, подставляя Северное полушарие потоку фотонов, летящих 8 минут 20 секунд от поверхности светила. Человечество, однако, привыкло делить время на значимые и незначимые отрезки, не подозревая, что Вселенная не делает таких различий.

Для компании с ограниченной ответственностью «Челфак» этот июнь стал точкой бифуркации — моментом, когда малейшее колебание системы могло запустить цепную реакцию с непредсказуемыми последствиями. В термодинамике такое состояние называют «перегретым»: система кажется стабильной, но достаточно одного случайного ядра конденсации — и начнется фазовый переход.

Таким ядром суждено было стать Веренике Луцатто, хотя в начале июня 2014 года никто этого еще не знал.

Глава 8. Геометрия скрытых систем

В одном из шести переулков, расположенных перпендикулярно улице Онежской в городе Москве, пространство организовано по законам, которые городские планировщики называют «стихийной застройкой», а физики — «диссипативной структурой»: локальный порядок возникает из хаоса за счет постоянного притока энергии извне. Два двухэтажных красных кирпичных здания с одинаковой табличкой «д. 1 А» представляли собой классический пример маскировочной стратегии в городской среде. Над центральным входом первого из них висела огромная вывеска: «Независимый анализ почвы и воды» — ложный сигнал, рассчитанный на фильтрацию случайных наблюдателей.

Слева от двери синела латуневая табличка: «Государственная корпорация „Росритм“, территория „Л“, Акционерное Общество „Красная Машина“». Для жителей соседних домов эти символы давно утратили информационную ценность, превратившись в фоновый шум урбанистического пейзажа — точно так же, как космическое микроволновое излучение потеряло для нас смысл, хотя продолжает нести информацию о рождении Вселенной.

Большинство граждан, направлявшихся в ветлечебницу

за несколько десятков метров, никогда не достигали этого здания — не потому, что оно было скрыто, а потому, что человеческий мозг эволюционно запрограммирован игнорировать сигналы, не связанные с немедленной выживаемостью. Те же, кто оказывался рядом случайно, попадали сюда как частицы в броуновском движении — подчиняясь чисто вероятностным законам, а не осознанному выбору.

Само здание не имело примечательных черт, если не считать оригинального арочного окна на втором этаже — архитектурного анахронизма, напоминающего о том, что красота в равновесных системах всегда уступает функциональности. Входная зеленая дверь была изуродована непропорционально большим глазком в форме равнобедренного ромба — геометрическая фигура, обладающая осевой симметрией, но лишенная центра инверсии, что делало ее идеальной для одностороннего наблюдения.

Попавшие внутрь посетители оказывались в системе последовательных барьеров — архитектурной реализации принципа «луковой защиты», где каждый слой требует отдельной энергии активации. На лестничных маршах, ведущих на второй этаж, стены были увешаны огромными фото-портретами — галереей человеческих катастроф, каждая из которых представляла собой локальное нарушение второго закона термодинамики: в закрытых системах энтропия возрастает, но эти люди умудрялись создавать порядок из хаоса только для того, чтобы затем с еще большей скоростью раз-

рушить его.

Франческо Скеттино, капитан «Коста Конкордии», являл собой классический пример «эффекта бабочки» в социальных системах: его микродействия (решение пройти слишком близко к берегу) привели к макроскопическим последствиям (гибели 32 человек). Компания «Коста Круиз» была предупреждена о возможной катастрофе московской фирмой «Челфак» за месяц до аварии — но итальянцы отказались от встречи, посчитав финансовые претензии русских смехотворными.

В термодинамике неравновесных процессов это называется «игнорированием флуктуаций»: система продолжает двигаться по прежней траектории, пока флуктуация не достигает критической амплитуды — и тогда наступает коллапс. Сотрудник службы безопасности, смеявшийся над русским директором, был уволен через десять дней после аварии с формулировкой «за отсутствие профессионального мышления». Его жизнь, подобно траектории частицы в потенциальной яме, скатилась в локальный минимум: жена устроилась уборщицей в пиццерию, дочери покинули частную школу, а любовница Альфонсина Романо перестала делить с ним постель.

Рядом с портретом Скеттино висел портрет капитана южнокорейского парома «Севоль», Ли Чжун Сока. За два месяца до аварии в московское представительство компании пришло три письма от «Челфака» с предполагаемыми сценари-

ями катастрофы. Во встрече было отказано. Результат: 288 погибших, 16 пропавших без вести — в основном школьники. Девочка Чжи Юн за два дня до поездки говорила бабушке, что ей не хочется на экскурсию. Родители настояли. Сейчас они жалеют — но во Вселенной нет механизма обратной связи, позволяющего отменить уже свершившееся событие.

Венчал экспозицию портрет командира аэробуса «М.Глинка»—А310 Вадима Свирко, который дал порулить самолетом своему пятнадцатилетнему сыну. Авиакатастрофа под Междуреченском унесла 75 жизней. За два месяца до трагедии в редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо от четырнадцатилетнего школьника Ивана Москвы, адресованное сыну командира: с просьбой больше никогда не садиться за штурвал. Журналисты не поняли смысла послания. Письмо обнаружат через восемнадцать лет стажерка Лина Крайнева, спрячет в трусики-слипы с корректирующим эффектом и пронесет мимо охраны.

— С самым замедленным.— Что у вас в трусиках? — спросят охранники. — Бомба, — ответит она. — С замедленным действием?

На втором этаже лестничных маршей располагалась галерея фотографий катастроф XXI века: «Булгария», Чернобыль, Саяно-Шушенская ГЭС, «Фукусима-1», пожар в «Хромой лошади» (156 погибших). Венчал экспозицию российский Сухой Суперджет–100 и испанская коррида с тореадором на рогах быка.

Поднявшись на второй этаж, непосвященные посетители оказывались перед последней дверью, ведущей в офис. Но лишь немногие достигали этой точки — преградой служила маленькая столовая, или «харчевня», как ее называл персональный повар босса Василий Штурм. Он и персональный водитель Дмитрий Дымка (армейская кличка «Димка-невидимка») превратили ее в личные апартаменты. Все звали их Чуком и Геком — они были как сиамские близнецы, не полностью разделившиеся в эмбриональном периоде.

Вероятность рождения сиамских близнецов — примерно один случай на 200 000 родов. Вероятность такой дружбы, как у Дмитрия и Василия, была на порядок выше, но все же исчезающе мала в масштабах человеческой популяции. Они служили в ВДВ, в разведывательной роте, где курсантов обучают бальным танцам, этикету и манере поведения. Этот странный симбиоз эстетического и военных навыков позволял им оставаться собой в любых обстоятельствах.

Однажды в год, в день рождения Егора Гайдара, Иван Москва вручал Чуку и Геку запечатанные конверты, декламируя голосом протопопы Аввакума:

— Что такое счастье — каждый понимает по-своему. Но мы все вместе знаем, что надо много трудиться и крепко любить эту огромную землю, которая зовется Россией. Вы, парни, всей своей жизнью опровергаете афоризм: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Гулливвер Бикила, партнер Ивана, усмехался:

— А в действительности их, так сказать, не твое, а как минимум шесть человек: Чук, каков он есть на самом деле; Чук, каким он сам видит себя; Чук, каким его видит Гек. То же самое с Геком. Царь наш небесный, концы в воду, деньги в землю.

— Чука, каким ему представляется его образ в сознании Гека, и Гека, каким ему представляется его образ в сознании Чука. Поэтому мои солдаты и сорятся с утра до вечера: их слишком много, а функциональных обязанностей мало. Иван усложнял картину до восьми персон:

Напротив входной двери офиса висела маленькая фотография Альберта Эйнштейна с высунутым языком. Иван Москва знал: Эйнштейн очень любил это фото.

— Он показывает язык всем нам! — отвечал Иван на вопросы. — Давайте примем это за аксиому, чтобы раз и навсегда не становиться занудами и радоваться жизни.

Вмонтированные в глаза гения на фотографии цифровые кинокамеры уже запечатлели внешность каждого любопытного, кто осмелился подойти слишком близко. Разочарование посетителя уступило бы место богатой игре воображения, узнай он, что только что побывал на пороге одной из самых уникальных и скрытных компаний в мире — ООО «Челфак».

Глава 9. Оловянные солдатики и теория игр

Деятельность компании «Челфак» заключалась в простой, на первый взгляд, аналитической работе. Десять сотрудников информационного отдела ежедневно рыскали по страницам гламурных журналов, желтой прессы, серьезных периодических изданий всего мира. Они прослушивали записи речей и выступлений известных персонажей, следили за их участием в теле- и радиопередачах. Слухи, сплетни, неадекватности поведения — все это обрабатывалось, отслеживалось и фильтровалось особым образом.

Сотрудников отдела — шестерых парней и четырех девушек в возрасте от двадцати двух до двадцати восьми лет — прозвали «оловянными солдатаками». Проработавшие в компании более года получали титул «стойких оловянных солдатиков» с материальными льготами и привилегиями: сертификат на двадцать тысяч евро и кассету с фильмом «Три дня Кондора» — о фирме из восьми сотрудников, занимавшихся сбором утечек информации о работе ЦРУ.

— Мы не работаем на ЦРУ, мы не работаем на ФСБ, — говорил Иван, вручая кассеты. — Поэтому нас не убьют, не украдут и даже не покалечат. Мы никому не интересны.

Он лукавил — но поймать его на вранье могли только

Чук и Гек, которых на общие собрания не приглашали. Те сотрудники, кто был свидетелем странных событий, увольнялись по собственному желанию, уходили с повышением в крупные компании — или просто исчезали, не простившись с коллегами.

10 июня 2014 года, ровно в 10:00 по московскому времени, Иван Москва и Гулливер Бикила зашли в офис. Специфический шум из аналитического отдела — открытого пространства, разделенного перегородками на рабочие зоны, — действовал на них успокаивающе. Ивану нравилось, что все «оловянные солдатики» работают сообща, в одинаковом темпе, уходят на обед и возвращаются вместе.

В 10:05, после небольшой остановки на ресепшене, Иван вошел в свой кабинет. Из шахматного столика в углу раздавалась назойливая мелодия — «пензионерский» красный телефон «Самсунг» наяривал рефрен популярной некогда группы «Ленинград». Звонок был от Марии Ивановны Лопухиной, бывшей классной руководительницы Ивана и Гулливера, соседки его бабушки Полины Арсеньевны Москвы.

— Мария Ивановна, это Вереника, моя знакомая. Пусть она поднимется к Вам. Через час за ней придет Чук или Гек. Заранее спасибо.— Ванечка, добрый день. — Добрый день, Мария Ивановна. Что-то произошло? — Она стоит уже два часа, смотрит на твои окна, не отрываясь. Она плачет, Ваня. А на улице дождь. Что делать?

Иван вернулся к мыслям о предстоящем совещании по Бразилии. Гулливеру нужно было победить в «джунгли-марафон» — иначе тот запрется дома и не будет никуда выходить. Иван понимал его: Гулливер поклялся на могиле отца, что вернет фамилию семьи, когда выиграет любой международный марафон. Пока он был трижды четвертым, один раз вторым. Иван зарегистрировал его на участие в Сантареме–2014 и чувствовал, что сделал ровным счетом ничего.

Мария Ивановна открыла «тетрадку юной пенсионерки» на странице от первого июня, где бисерным почерком бывшего учителя географии было написано: «19:30. Ваня Москва заходит в подъезд с интересной красивой девочкой в синем ситцевом платье. На вид лет двадцать-двадцать пять. Заплаканный вид. Нога кажется большой — сорок первого размера. Девочку портит ироническая улыбка и широкие скулы на длинном вытянутом лице».

Красными чернилами она дописала: «Девочку звать Вереника».

Вереника стояла на железнодорожном мосту платформы «Петровско-Разумовская». Ее хрупкое тело было вне моста — спина плотно прижата к перилам, руки просунуты сквозь прутья. Время на перронных часах показывало 19:39. Она ждала «Сапсан».

Иван Москва ждал Крюковскую электричку, на которой

должна была приехать журналистка Лина Крайнева. Он согласился на встречу только потому, что ее голос казался ему знакомым — но где он слышал его, вспомнить не мог.

— Мамзель, раз вам уже все равно, можно я вас напоследок трахну в попу? — Иван прошел мимо, не останавливаясь.

Он знал: любое потрясение можно остановить только очередным потрясением. Грубые слова, ломка стереотипов — все, что отвлечет человека от задуманной глупости.

— Я сейчас спущусь и сама тебя трахну в попу! — гремело ему вслед.— А я давно не видела таких противных и толстых козлов! — взвизгнула девушка. — Что вы, такая маленькая просьба, а столько шума. Меня уже нет. Я вас внизу подожду.

— Антон, это ты? Я знала, ты не бросишь меня. Только не уходи.Иван резко подбежал, обнял ее за живот, просунув руки сквозь прутья.

— Повернись ко мне лицом. Срочно.Она зарыдала, обмякла. Тело стало тяжелым.

— Я Иван. А также Карлсон, Бэтмен, Человек-паук и даже Супермен. Ты не умрешь. Сегодня ты точно не умрешь.Она повернулась. Крупные слезы, словно капли дождя, текли по ее лицу. — Кто ты? Где Антон?

— Вот попаду на небушко, на всех вас пожалуйюсь Богу! Боженька справедливый, он вас всех накажет за ваше зло.

Глава 10. Фазовый переход

Прошло три дня. Ника лежала на Ванечке, когда прозвонел звонок в дверь. Соскользнув, она нырнула под одеяло. В коридоре раздался медовый женский голос:

— Именно сейчас — нет. Я соль в доме не держу. И вам не советую.— Соседушка, не поделитесь солью?

Дверь закрылась. Веренике показалось — зловеще. Она не ошиблась.

— Вегана! — Иван, скинув халат, запрыгнул в кровать. — А теперь послушай меня. Помолчи и послушай.

Она напряглась: когда он звал ее Вегой, добра не жди.

— Запомни, Вега: жизни наплевать на планы, которые мы пишем. Без любви она была бы ошибкой. В конце XVII века французский врач Гали Матье лечил пациентов шутками. Он обрел такую популярность, что не успевал на все визиты и посылал целительные каламбуры по почте. Так возникло слово «галиматья» — целительная шутка. Грустно, что сейчас оно имеет иной смысл.

— Когда я говорю «спрячься», я не шучу. Не слушая меня, ты совершаешь зло. Зло — это не просто преступление добрых людей, допустивших ошибку. Зло — это человек, которому лишь на короткие мгновения удастся спрятаться от самого себя. Он посмотрел на Нику:

— Ванечка, ну прости, — Ника привстала на колени. —

Дома я одна, а с тобой я другая. Дома я добрая. А у тебя захотелось покапризничать.

Она не говорила ему, что воспитывалась без отца, которого жестко убили в подъезде за двадцать дней до ее рождения. Для нее забота взрослых мужчин была верхом сексуальности.

— Убирайся вон. Семь дней чтобы я тебя не видел. Не звонить. Не стучать. Не пытаться встретиться. Десять минут на сборы. Иван ногами толкнул ее с кровати. Бросил майку и трусики-стринги.

Ника оделась, собрала вещи, поцеловала Ванечку в щеку и тихо вышла. Она еще не знала, что его профессиональный мир был омерзителен, жесток и грязен — и при этом хрупок, как кристаллическая решетка при абсолютном нуле. Ошибки в этом мире стоили денег. Иногда — жизни. Своей или чужой. Неважно. Но жизни.

Выйдя из подъезда, Ника направилась к скамейке у детского городка. На ней сидела женщина — грациозная графиня с ровной красивой спиной, как на картинах испанских мастеров. Охотница за солью. Соседка Ивана.

— Отчего же.— Вы не будете против, если я присяду?

— Найдется. А почему вы такая бледная?— У вас не найдется лишней сигаретки?

— Нет, спасибо. Вы очень милы.

Ника пошла к трамваю, зажмурившись, чтобы не обер-

нуться. Она вспоминала слова из дневника Ивана, который он дал ей почитать сегодня:

«Перечитай нечитаемого Кафку с его „Превращением“. Ты поймешь: само наше существование — уже рай. Своим фактом присутствия в этом раю ты, Ника, побеждаешь мораль. Жаль только, что самому мне на эту победу совершенно наплевать. Но в глубине души я хочу твоего торжества». «Вы соглашаетесь на какое угодно настоящее, думая, что у вас здесь нет будущего». «Если вы ходите в белых трусиках, это не означает чистоту ваших помыслов». «Искусство — единственное, что еще связывает нас с Богом. Другого выхода из крошечного ада нет и быть не может».

Последнюю фразу Ника дослушивала уже в трамвае.

Зайдя в свою квартиру, она закрылась на все четыре замка. Она была трусиха — хитрая, скрывающая фобии от друзей. Ложась спать, оставляла включенным мамин мраморный ночник в форме лучника в инвалидной коляске, натягивающего тетиву.

«Хикикомори. Добровольное заключение под замок. Пицца по интернету. Чая на две моих бестолковых жизни. Романтические отношения — строго через семь дней, как сказал Ванечка. Я скажу ему, что поменяла наши отношения на порнографию и виртуальный секс. Пусть продажи противозачаточных падают не потому, что я не хочу ребенка, а потому, что не хочу секса с ним».

Куски разрезанного свадебного платья валялись под ногами. Пригласительные «Антон+Вереника» лежали стопкой на столе. Ящик шампанского «Абрау-Дюрсо» манил яркими этикетками. Три дня у Ванечки показались раем. Теперь она снова в аду.

— Я не могу без тебя! Я... могу без тебя... — кружилась она вокруг стола.

— Дорогой мой Иван Саввич, сама мысль, что я без тебя, приводит меня в восторг! Упала на диван, включила телевизор.

Когда игра заканчивается, кони, королевы и пешки попадают в одну коробку. В жизни все страшнее: фигурки попадают в историю под названием «любовь», от которой до ненависти — один шаг. Ванечка три дня без Вереники тосковал. А потом забыл. Все слова любви одинаковы — все зависит от того, кто их произносит, как и когда.

Иван не боялся писать слово «люблю» — боялся читать. Написанное состояло из настоящих букв, а сказанное вслух звучало фальшиво. Одиночество для него было не тогда, когда некому сказать слово в настоящем, а когда некого выслушать в будущем.

Он семь дней не встречался с Никой. Ему казалось — это вечность. Он начал забывать эту смешную девчонку. Тогда, на мосту, ради нее он был готов променять право первой ночи на последнее слово. А сегодня? Пусть конец этой сказки

был бы хоть трижды счастливым, сегодня ему было уже все равно.

Даже с его уникальной интуицией не дано предугадать, какую пакость придумает жизнь для улучшения его жизни. Может поэтому Иван ревновал своих женщин к прошлому, а его женщины — к будущему. Хотя, с другой стороны, любовь — игра. Не нравится — не играй. А хочешь прыгнуть с моста — прыгай.

Глава 11. Госпожа Луцатто.

В 10:10 в кабинете Ивана Москвы началось совещание по бразильскому вопросу. Машенька Крайнева, менеджер-стажер информационного отдела, семь дней отслеживала в бразильской прессе все, что писали о футбольном клубе «Итуану». Ее ментором был Антон Изменников — «стойкий оловянный солдатик», проработавший в «Челфаке» более пяти лет.

Машенька заочно влюбилась в президента клуба Жуниньо Паулисту. Она знала, что сообщение о дислокации сборной России вызвало в городе небывалый ажиотаж. Она предоставила три стандартные папки «Челфака»: красную (фотоотчеты), желтую (информация из источников) и зеленую (аналитические справки).

— Да, серьезен, как никогда. К вечеру принесете справку на одну страничку. Проект считайте законченным. Все шло гладко, пока не прозвучал вопрос о размерах капель дождя в Бразилии. — Иван Саввич, вы это серьезно?

Машенька ощутила пустоту — как будто у нее отняли любимую игрушку. Она была благодарна старшей сестре Лине, журналистке «Комсомолки», которая подсказала ей вакансию. Ее французский и португальский произвели фурор на собеседовании. Весь коллектив влюбился в нее, и на жест Гулливера Бикилы (поднятые указательный и сред-

ний пальцы) ответил поднятыми большими пальцами вверх: «Жизнь!»

Но Машеньку беспокоила странная просьба сестры: писать ежедневные отчеты о происходящем в компании, о директорах, о проектах, о том, на чем зарабатываются деньги. С каждым днем вопросов становилось все больше. Их мать умерла, когда Машеньке было десять, и Лина заменила ей мать и отца. Машенька слушалась сестру во всем.

— Вы хорошо поработали. Я принимаю вас в компанию без ожидания испытательного срока. Зайдите к Гулливеру Бикиле. В конце рабочего дня, сделав все по стандартам, Машенька вдруг вспомнила благодарность шефа:

Она заулыбалась: «Она в команде». Это деньги. И ей просто нравилась атмосфера в компании. Нравился шеф, Ванечка Москва.

Она четко помнила: шефа заинтересовали снимки знаменитого австрийского бегуна Алекса Шистера. На всех фотографиях рядом с ним находилась его спонсор — владелица крупнейшего интернет-магазина детской одежды госпожа Арсеньева С.А. В прошлом сама известная бегунья, она сверкнула на небосклоне марафонского бега, как комета Галлея, и исчезла. Ходили грязные слухи о ее связи с тренером — напоминающие роман «Лолита». Затем все стихло. Растворилось. Превратилось в ничто.

— Иван Саввич, это Ника. В 10:50 прозвучал зуммер внутренней связи. — Что у нас, Антонина Сергеевна? — Иван

Саввич, Чук утверждает, что девушка, которую он привел, вы вызвали ее на прием. — Какая девушка? Передайте трубку Дмитрию.

— Иван Саввич, к вам на прием госпожа Луцатто, Вереника Арьевна. Шум борьбы. Тишина. Через несколько секунд — ровный голос пресс-секретаря:

Машенька испуганно вздрогнула. Позже, прокручивая со-
вещание как киноплёнку, она убедила себя: «Кто-кто-кто?»
— они вскрикнули одновременно.

Оба.

Часть III. Причинно- следственный коллапс (1995-2014).

Глава 12. Теорема неверной выборки

Гулливер любил отца так, как планета любит своё выгоревшее солнце — на орбите гравитации, которую невозможно отменить, даже когда источник тепла уже покинул систему. Их конфликт был лишь оптической иллюзией, бликом на поверхности раздела сред. Истинная природа их связи лежала в области квантовой запутанности: изменение состояния одного мгновенно отражалось на другом, независимо от расстояния.

Первого февраля 1995 года, когда Гулливер извлёк из почтового ящика серый прямоугольник с синей печатью, его вегетативная нервная система зафиксировала аномалию. Это была не тревога. Это был сбой прогноза. Повестка из военкомата, подписанная военным комиссаром, представляла собой когнитивный диссонанс, материализованный в типографской форме. В графе «причина» значилось: для отправки к месту прохождения военной службы. Система дала сбой.

Гулливер, как истинный продукт Просвещения, попытался восстановить причинно-следственную связь через телефонный разговор. Старший лейтенант Разуваев на том конце провода объяснил коллапс реальности просто: компьютер

тайваньской сборки перепутал когорты рождения — 1945–1955 вместо 1985–1987. Шесть тысяч граждан Головинского района получили приглашение вернуться в армию страны, которой больше не существовало. Это была ошибка калибровки, не более.

— Ничего не надо предпринимать, — устало повторил лейтенант. — Ходите на работу, смотрите на Луну. Оставьте повестку как реликвию.

Гулливер положил трубку. Он ещё не знал, что этот серый клочок бумаги окажется первым предупреждением о фундаментальной нестабильности его собственной вселенной. Через семь дней в тот же ящик упадёт письмо с извинениями. Но человек, которому оно адресовалось, уже перейдёт горизонт событий.

Гулливер решил отнести повестку отцу сам. Потом передумал. Страх остаться один на один с Арье Имануэльевичем был не психологическим, а термодинамическим: он боялся невыносимого тепла, которое исходило от отца, когда они оказывались в замкнутом пространстве. Он позвал Ивана Москву — единственного человека, способного выступать нейтральным наблюдателем в системах с высоким уровнем энтропии.

Они ждали на бульваре Матроса Железняка. Гулливер любил этот бульвар с той же безнадёжной нежностью, с какой космолог любит реликтовое излучение — за то, что оно помнит начало. Летом время текло здесь как вязкая среда,

замедляя старение. Осенью холодные дожди ускоряли невидимое течение, и густые туманы растворяли в небытии купола храма Святого Георгия Победоносца, словно стирая объект с карты реальности. Гулливер приходил сюда прощаться с уходящими сезонами. Он не знал, что скоро ему придётся учиться прощаться по-другому.

Отец появился через полчаса — помолодевший, с хорошей стрижкой и цветами в газете. Он шёл широким шагом человека, который спешит не от холода, а от внутреннего двигателя, разогнанного до критической скорости.

— Стой. Не нравится мне это. Гулливер не пошёл к нему. Он поднял воротник куртки и сказал Ивану:

Через секунду после того, как Арье Имануэльевич вошёл в подъезд, туда же вошли двое в чёрных кожаных куртках. Один в мотоциклетном шлеме, другой — с усами и в очках, похожий на ходячую ошибку кастинга. На улице, у чёрного BMW с двигателем в 350 лошадиных сил, из динамиков всё ещё звучал шансон. Гулливер не любил шансон. Иван воспринимал его как фоновый шум — нейтральную среду обитания городской фауны.

Почему эти двое не вписывались в пейзаж уютного московского двора, они поняли только сейчас. Но поняли слишком поздно — для того, чтобы что-то изменить, но достаточно рано, чтобы запомнить навсегда.

Глава 13. Волновая природа аннигиляции

Собственно говоря, отец Гулливера не мог не умереть. Иван Москва поставил этот диагноз за секунду до того, как Арье Имануэльевич исчез за дверью подъезда. Иван обладал способностью, которую никто из них не решался назвать даром: он видел смерть.

Не метафору. Не образ. Не философскую категорию.

— Бирюзового, Ванечка. Как лазоревое небо. Он видел голубоватую светящуюся волну, которая проходила по телу человека в момент, когда жизнь покидала его. Впервые это случилось на школьных каникулах в селе Поваровка, когда умирала мамина бабушка. Иван тогда спросил: — Бабушка, а ангел какого цвета?

Теперь, спустя годы, Иван знал: это был не ангел. Это был чистый физический процесс, фазовый переход второго рода, при котором биологическая материя теряет когерентность. Голубая лента скользила по телу, вымывая жизнь, как волна вымывает песок из береговой линии. После её прохождения организм переставал функционировать — не потому, что сломался, а потому, что перестал быть системой.

Иван видел пути следования этой волны. Но не знал, как их заблокировать. Как превратить смерть в продолжение

жизни. Можно ли спорить с самой матерью-природой? Человечество только и может, что создавать запреты на смерть в определённых местах — священный остров Делос, Вестминстерский дворец, где умершего хоронят за счёт короля. Люди ведут себя так, будто смерть — это нарушение общественного порядка, а не фундаментальный закон вселенной.

Иван дрожал от мыслей, роем теснившихся в его голове. Лишь те счастливики, кому хоть раз случилось быть на краю смерти, знают главное: умереть — значит родиться заново. Не сегодня. Завтра. Или через миллиард лет в другой звёздной системе.

— Гуля, твой отец сейчас умрёт, — произнёс он спокойным голосом. Когда Арье Имануэльевич вошёл в подъезд, Иван увидел знакомое голубое свечение. Волна уже начала движение.

И сорвался с места.

Гулливвер замешкался. Всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы реальность необратимо изменилась.

Он ворвался в подъезд следом за Иваном, влетел в него на скорости, и они оба повалились на цементный пол. Арье Имануэльевич уже лежал в луже — неизвестно откуда взявшейся воде, смешанной с мочой и чем-то ещё. Человек в шлеме поддерживал его за руки. Человек с усами вкалывал шприц в шею.

— Всем стоять! Буду стрелять на поражение! Гулливвер выхватил из кармана чёрную авторучку, направил её на

незнакомцев и закричал голосом, которого сам от себя не ожидал:

Незнакомцы отпустили тело. Оно плюхнулось в лужу с глухим звуком — тем самым, который издаёт мясо, падающее на мокрый бетон. Нападавшие что-то быстро проговорили про «юных химиков» и «нарика, которому стало плохо», и так же быстро исчезли за дверью.

— Я не только обоссался, — прошептал он. — Я ещё и обосрался от страха. А подыхаю, как последняя подзаборная шлюха. А думал, это будет среди полевых цветов... Арье Имануэльевич открыл глаза. Он ещё был жив — голубая волна прошла не до конца.

Он попытался привстать, опираясь на локти, и рухнул лицом в лужу. В его шее торчал шприц, раскачиваясь из стороны в сторону — смешно и жутко одновременно, как в кинокомедии, которой никто не смеялся.

Гулливвер выдернул шприц. Наполовину полный. И выбежал на улицу.

Он не знал, что бежит к мотоциклу. Он знал только одно: сейчас он — уиппет. Самая быстрая и хитрая борзая в мире. И он должен победить.

Глава 14. Амбидекстр и точка бифуркации

Бег — самая естественная реакция человеческого организма на стресс. Два варианта: схватить каменный топор или сбежать. Гулливер выбрал бег. Но не от врага — к нему.

Мотоцикл уже выруливал со двора, вливаясь в автомобильный поток. Чёрный BMW с 350 лошадьми под капотом. Гулливер бежал за ним, не чувствуя ног, не слыша собственного дыхания. В его голове проносились обрывки воспоминаний: отец на Центральном ипподроме, квадратная коробочка пломбира в бумажной обёртке, программка бегов, которую он совал в руки сыну, и долгие скандалы на кухне — мама Ализа кричит, отец молчит, потому что проиграл всё до копейки на тотализаторе.

Гулливер не любил лошадиные бега. Слишком многое зависело от жокеев — этих маленьких, обветренных существ с детскими телами и старыми лицами. Но он обожал бега борзых. Особенно уиппетов — «беговых машинок», которые не договариваются с хозяином, не поддаются и не сдаются. Они бегут только против себя. И выигрывают хитростью.

Сегодня Гулливер был уиппетом.

На светофоре он догнал мотоцикл. Крадучись подбежал сзади. Не раздумывая, вонзил шприц — тот самый, наполо-

вину полный — в спину человеку в мотоциклетном шлеме. Нажал на поршень. Выдавил остатки жидкости до конца.

Человек взвыл. Дёрнулся. Шприц сломался, три четверти иглы осталось в теле.

— Я тебя кончу, паскуда! На крик обернулся водитель — странный субъект с усами, который почему-то оказался без очков. Он провёл пальцем от уха до уха и прокричал:

— Они тебя запомнят! Затем тем же пальцем ткнул себя в левый глаз, потом в правый:

Гулливер посмотрел на него спокойно. Переложил обломок шприца из левой руки в правую и метнул в лицо кричащему.

Мало кто знал, что Гулливер владел двумя руками одинаково. Мама Ализа считала эту способность ущербной и заставляла молчать о ней. Она пыталась отучить его держать вилку в левой руке, но сдалась. Её вводил в ступор его почерк Леонардо — который можно было прочитать только в зеркале. А в четыре года на собеседовании в школе Гулливер написал мелом на доске: «Мне четыре года. Я хожу в детский сад. Я мечтаю учиться в школе».левой рукой — левый угол. Потом переложил мел в правую и закончил в правом углу, не сходя с места.

Мама Ализа махнула рукой: «Неисправимый».

Шприц, вылетевший из правой тренированной руки, попал точно в глазное яблоко водителя. Крик раздался на всю улицу. В этот момент на светофоре загорелся зелёный. Мо-

тоцикл взревел и скрылся за поворотом, увозя на себе двух убийц и одну иглу, оставшуюся в теле.

— Может быть, воздушная эмболия. Может быть, медленная отравка. Но причина есть. Мы просто о ней пока не знаем. В милиции усталый капитан сообщил: отец покалечен инъекцией неизвестного препарата. Первая экспертиза показала сердечную недостаточность. Врач отказался подписывать протокол — настолько не был уверен. Позже назначили вторую экспертизу. Отчим, дядя Игорь, сказал Гулливеру:

Мама Ализа молчала. Она после того дня закурила. И выбегала в подъезд каждый час.

Она закурила за три часа до нападения на Арье Имануэлевича.

Глава 15. Паллиативная вселенная

Каждую секунду, минуту и час Гулливер дёргался от звонков. Состояние отца ухудшалось по экспоненте: отказ зрения, слуха, речи, памяти. За этим следовал отказ всего остального — как при коллапсе волновой функции, когда система теряет когерентность и распадается на отдельные, больше не связанные частицы.

Из университета пришло извещение: срочно принести обоснование темы кандидатской диссертации. Заседание кафедры назначено на 13 февраля 1995 года.

Дежавю. Опять срочное движение на Большую Сухаревскую. Сразу из университета — в Склифосовского.

В отделении интенсивной терапии пахло специфически — не сильно, но от этого запаха сразу становилось страшно. Гулливер подошёл к отцу. Арье Имануэлевич был на аппарате искусственного дыхания, в сознании, но не говорил и не двигался. Жили только глаза.

Гулливер принёс распечатанный алфавит на листе А4. Начал водить ручкой по буквам, всматриваясь в отцовские зрачки. Долго вёл до буквы «м». Второй шаг — быстрый. Буква «а».

— Мама Ализа? — спросил Гулливер.

Отец моргнул.

— Я приведу её.

Отец закрыл глаза. По щекам потекли слёзы. Гулливер тоже заплакал, потом устыдился, вытер глаза большим шёлковым платком.

— Он мне не родной, — говорила она. — И там эта... псица в очках. Он звал мать провести отца. Она не шла.

Он объяснял: у него договорённость. Он звонит Стеле Аркадьевне, предупреждает, что придёт, и когда появляется — её нет. Потом Стелы Аркадьевны не стало — она в роддоме, на сохранении. Мама Ализа всё равно не шла.

— Мы сделаем всё, чтобы он не испытывал страданий. Но ничего, кроме паллиативной терапии, предложить не можем. К ночи дыхание стабилизировалось. Трубки вынули. Утром — обычная палата, обход врачей. Лица нерадостные.

Сколько раз за эти три дня врачи говорили «ничего больше не можем», Гулливер уже не помнил. Разнились только сроки: сначала «дни», потом «часы», потом «вот-вот». Арье Имануэльевич опровергал все прогнозы — раз за разом, как упрямая частица, отказывающаяся подчиняться статистике. Доказывал свою уникальность даже в способе умирания.

Первый случай в истории российской криминалистики за всю её короткую доблестную историю.

— Ваш папа умер, — сказала медсестра.

Она передала ему сложенный конвертиком лист бумаги и связку ключей. Чужой рукой было написано:

«Гулливер, заberi из квартиры стакан и картину. Остальное расскажет Стела Аркадьевна. Твой отец, Луццато А.И.»

Гулливер сидел в холле и смотрел телевизор. Там весёлый Карлсон лечился вареньем и, когда оно заканчивалось, вылечивался. Сплошное волшебство.

В реальности волшебства не оказалось.

Коридор был длинным — может, поэтому врачи отправили Гулливера подальше, боялись, что Арье Имануэлевич будет громко умирать. Так принято: в первую очередь уводят детей. Считается, что они могут испугаться. Считается, что взрослые не боятся.

Арье Имануэлевич никогда ничего не боялся. Слово «страх» для него не существовало. Он называл себя бесстрашным, как эскадренный миноносец Российского Императорского флота типа «Кит». Никто не знал, что это за зверь, но в его устах это звучало красиво и внушительно.

Гулливер думал: в тот вечер, когда он смотрел мультики в холле, отец продолжал гнуть свою линию. Старался сдержаться и не показывать, что за выпренными словами скрывается страх. Страх одиночества наедине со смертью. Вас вроде двое — ты и она, но ты не считаешь её своей подругой.

Невыключенный свет настольной лампы, незнакомые люди в белых халатах, свежие простыни, пожелтевшие простыни, запах лекарств и уколов, сон — единственный способ забыться — всё это было страхом. Странная боль в теле — вот страх. Худоба, которой не было два дня назад — вот страх. Говорящие глаза — «я сегодня полежу» — а после уже не встать — вот страх.

Всем страшно. Все подвержены.

Тогда-то Гулливер и сказал себе: он сделает всё для другого мальчика, который будет смотреть мультик про добрых героев. Чтобы тот поверил: в реальности тоже есть немного волшебства.

Глава 16. Принцип дополнительности Луццато

После похорон Гулливер часто вспоминал их споры — те, что велись в его комнате, куда отец приходил по вечерам «устанавливать дипломатические отношения». Участвовал и Иван Москва, который любил задерживаться до вечернего чая со слоёными трубочками с белковым кремом. Рецепт «Трубочек Луццато» передавался в семье из поколения в поколение. Хранителем секрета обязательно должен быть мужчина. Секрет заключался в сиропе.

Гулливер надевал высокий поварской колпак и начинал кухонное волшебство. Иван подсмеивался, но аппетит это не отражало: он съедал пять-шесть трубочек и всегда хвалил чай с чабрецом, который заваривал Арье Имануэльевич.

Сироп варился на среднем огне ровно пятнадцать-двадцать минут. Готовность проверялась вилкой и стаканом с холодной водой: если шарик на дне схватывался — сироп готов. Если он твёрдый — сироп переварен, и всё начиналось заново. Никогда, за всё время приготовления, семья не использовала переваренный сироп. Если бы это случилось, «мир Луццато» рухнул бы, погребя под собой все традиции.

— Ты, Гуля, обязан им Георгу Второму. Король обнаружил муху в гороховом супе, обрил пятьдесят поваров и ввёл

должность инспектора. Иван, любивший рыться в исторических казусах, однажды рассказал про колпак:

— Поверхностный исследователь. Найди картину Франса Снейдерса «Повар у стола с дичью» — там, на голове кули-нара не колпак, а специальная шапка. Гулливер усмехнулся:

Они спорили. Но теперь Гулливер отдал бы всё, чтобы снова услышать отцовский голос в этом споре.

Глава 17. Горизонт интерпретации

Гулливер был чертовски талантлив — несмотря на слишком юный для науки возраст. В вопросах интерпретации научных фактов, открытий, познания текстов ему не было равных. Он не изобретал ничего нового — он находил применение уже созданным вещам, как Эдисон, придумавший слово «алло», или Джобс, увидевший коммерческий потенциал мыши.

Когда встал вопрос о теме кандидатской диссертации, академик Ветровский не сомневался: она будет посвящена интерпретации научных фактов. Они заключили договор: Гулливер занимается чистой наукой, академик берёт на себя весь околонуточный мусор — склоки, дразги, сплетни.

— И заканчивай дружить с Афродитой Сократовой Апеллес, — строго сказал Ветровский. — Эта девочка — несчастье. Все, с кем она сходилась, ушли из науки навсегда.

Но Гулливер не мог закончить. Афродита была талантливой греческой аспиранткой, которая взяла шефство над юным стажёром. Она делилась спецификой научного мира, вслушивалась в его теории, пожирала его огромными глазами. А после дежурства на кафедре исполняла «праздничный» минет — для лечебных целей.

— Матка обладает сознанием, — серьёзно говорила Афродита.

— То есть с ней можно разговаривать? — улыбался Гулливер.

— Я не хочу, чтобы моей судьбой занимался кусок мяса в малом тазу, — отвечала она. — Наступит сплошной трах-тибидох.

— А может, в ней вся твоя мудрость? — подхватывал Гулливер. — И все верные решения ты принимаешь благодаря ей?

Они говорили о Сатане, о полных девочках, о радикулите. Гулливер цитировал отца: «Лучше колыхаться на волнах, чем биться о скалы». Он выбирал греческую смоковницу. И не знал, что именно этот выбор станет точкой бифуркации его научной карьеры.

Глава 18. Исчезновение наблюдателя

— Он вторичен. Всё, что он излагал, уже введено в научный оборот мною в брошюре, вышедшей в Салониках неделю назад. На заседании кафедры, когда Гулливер блестяще изложил свою тему за пять минут, Афродита поднялась и холодно произнесла:

— Бикила надел маску учёного, а идеи перехватывает у опытных товарищей. Декан Староверцев поддержал:

Гулливер молча вышел к кафедре. Открыл красный дипломат — тот самый, подаренный отцу за вывод из запоя высокопоставленного чиновника. Достал поварской колпак, надел. Достал накрахмаленный фартук, завязал на поясе.

Тишина.

— Сначала я исчезну с планеты Земля. Затем я исчезну из вашей жизни. Он начал говорить голосом дона Вито Корлеоне:

Он говорил о предательстве, о негре Максимке, об укротителе голубых молний Иване Москве. Он говорил о том, что его превратили в тролля, в карлика с большим еврейским носом, живущего под мостом.

— Но только помните, — закончил он. — Что бы вы ни сказали, оруэлловская полиция мысли признает ваши слова

недействительными. Умрёт солнце. Но даже через 4,5 миллиарда лет будут люди, которые переживут смерть Солнца. Может, и память обо мне исчезнет в тамбуре чёрной дыры. Но сегодня всё прозаичнее: это операция под фальшивым флагом, которая пошла не так.

Он снял колпак, сложил в дипломат, поклонился и вышел.

— Божественный безумец... Сальери нашего времени... За дверью слышалось:

Что делать с маленькими злобными гномиками, если они вдруг обнаружались рядом с вами?

Ответ прост: изгонять.

Выбор за тобой.

Глава 19: Коэффициент солнечной активности и фактор дежавю

В Москве атмосферное давление составляло 745 мм ртутного столба, температура — плюс шестнадцать по Цельсию, относительная влажность — восемьдесят семь процентов. Фаза Луны — растущая. Эти параметры, как и всё в этом мире, подчинялись законам термодинамики, но Иван Москва знал: метеорологические данные — лишь видимая рябь на поверхности океана хаоса. Гораздо глубже скрывались иные закономерности.

Он прервал совещание по Бразилии. Не потому, что дождь на Северо-Западе Москвы перешел в ливневый — это было статистически ожидаемо. А потому, что лицо госпожи Арсеньевой, владелицы крупнейшего интернет-магазина детской одежды, вызвало в его нейронной сети аномальную активность — сбой, известный как дежавю.

С точки зрения когнитивной психологии, дежавю — это ошибка в работе гиппокампа, когда текущее восприятие ошибочно маркируется как воспоминание. Но Иван, будучи прагматиком, знал: в природе не бывает ошибок. Есть только непознанные закономерности.

Он разложил фотографии Алекса Шистера — австрийского бегуна, чье тело двигалось по трассам Лондона, Токио,

Берлина и Нью-Йорка с упорством небесного тела, следующего гравитационной колее. Рядом с ним неизменно находилась она — Стела Аркадьевна Арсеньева. Ее карьера в марафонском беге вспыхнула, как комета Галлея: ярко, непредсказуемо и с периодом обращения, который астрономы не могли вычислить. А затем — погасла. Растворилась в межзвездной среде слухов. Перешла в разряд темной материи биографий.

Машенька Крайнева, стажер, чей взгляд обладал парадоксальным свойством — он был одновременно пронзительным и пугающим, — получила задание. Иван смотрел на нее так, как астрофизик смотрит на молодую звезду: с интересом, но без иллюзий.

— Через час я жду вас с полным отчетом о размерах капелек дождя в Бразилии, — сказал он. — И запомните, Машенька. Параграф шестой вашего контракта — «Конфиденциальность» — это не юридическая формальность. Это принцип неопределенности Гейзенберга применительно к информации. Нарушив его, вы измените не только данные, но и реальность, которую эти данные описывают.

Он объяснил ей этимологию слова «конфиденциальность» — от латинского *confidentia*, «безопасность», «доверие». Но в его устах это звучало как уравнение состояния: информация, перешедшая из разряда закрытой в открытую, меняет энергетический баланс системы. Иногда — необратимо.

— Через четыре дня вы летите со мной во Францию, — завершил он. — А вы, Антон, оставайтесь.

Изменников привстал было со стула, но замер. В его глазах Иван прочитал то, что в астрологии называют «аспектом оппозиции» — напряжение между тем, что известно, и тем, что скрыто.

Вселенная не терпит пустоты. И тайн — тоже.

Глава 20: Энтропия бега и закон больших чисел

Гулливвер Бикила бежал. Это было не просто движение — это было существование в режиме, близком к предельному. Иван, оставшись в кабинете после ухода Машеньки, разложил перед собой статистику участия друга в мировых марафонах за последние три года. Цифры складывались в паттерн, который нельзя было объяснить классической механикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.